

Серия Король Яков

Время терять

КИРИЛЛ КОРОБКО

первая книга серии

Сага Первая. Путь короля

Кирилл Коробко

Время терять

«Автор»

2024

Коробко К. Э.

Время терять / К. Э. Коробко — «Автор», 2024 — (Сага Первая. Путь короля)

Георг, приехав в Оксфорд, заглядывает в кафе. Там он видит Катю — студентку из Ленинграда - и влюбляется без памяти... Он выбирает обручальное кольцо, чтобы сделать Кате предложение, но... оказывается не просто не в своем времени, но и не в своем теле! Теперь он средневековый принц, без малейшей надежды на будущее... Как быть, если любовь осталась в XXI веке, а ты оказался в в XIII? Что делать, если упоминание о витаминах заставляет окружающих считать, что ты тронулся умом? Как выжить во дворце, где тебя хотят отравить? Если тебя могут казнить за один непочтительный взгляд на короля? Но знай, читатель: это только начало. История, которая начнётся здесь, проведет тебя через целую серию — с головокружительными поворотами, невероятными приключениями и событиями, которые будут держать тебя до самой последней страницы. Это история о любви, которая тебя не отпускает, даже если всё вокруг тебя шепчет: «время терять».

© Коробко К. Э., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Прелюдия	6
Пробуждение	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кирилл Коробко

Время терять

Где-то, где-то, в этой Вселенной, полной хаоса и случайностей, выпала новая комбинация...

Где-то вспыхнула сверхновая звезда, а где-то погасла свеча...

Где-то распустился лотос, а где-то отцвела сакура...

Где-то камень скатился с горы, а где-то бабочка села на цветок...

Где-то ветер подул с океана, смешались воздушные массы, и на город упала веселая майская гроза...

Где-то, в чужом городе, некий молодой человек попал под грозовой ливень...

Прелюдия

... пыхает молния, бахает оглушительный удар грома. На пыльный асфальт, листву, крыши домов начинают падать крупные, увесистые, теплые капли.

Прямо перед собой Георг видит вывеску: «Кафе Терезы». Спасаясь от ливня, он забегают в заведение.

Оказавшись внутри, молодой человек оглядывается, отряхиваясь от дождевых капель.

Меланхоличного вида хозяйка, едва удостоив его взглядом, протирает стерильно чистую столешницу бара белым полотенцем. Справа, в дальнем углу зала, чопорного вида старая леди читает газету, попивая молоко. На столе перед ней, на блюде, красуется надкусанная ватрушка.

Посреди зала сидит молодая девушка, с роскошной русой косой. Русая коса обложилась учебниками, тетрадями и калькулятором. По всей, видимости, студентка, решил Георг. Стрельнув в Георга глазками, девица опускает голову, и углубляется в свои учебники.

Георг смотрит на часы. Поезд отправится через час с небольшим. До вокзала идти около семи минут. За окном разгулявшийся, не на шутку, веселый майский дождик щедро орошает кусты распутившейся сирени, и две несчастных легковушки. Рокочет гром.

Ну что же, поезд можно подождать и здесь...

Он берет у хозяйки кофе и ватрушку. Усаживается за свободный столик у окна. Кофе оказывается крепким и горячим, а ватрушка – превосходной. Ее хрустящая корочка просто тает во рту.

Прикончив ватрушку, он разглядывает, от нечего делать, кафе и посетителей. Здесь уютно, чистенько и хорошо пахнет выпечкой. Семь столиков, перед каждым три алюминиевых стула.

Изнутри на стекле намалевана двухцветная надпись. Приглядевшись, Георг читает зеркально перевернутый текст: «The Teresa's Cafe» и чуть ниже: «Espresso Cappuccino».

На стене, рядом с окном, календарь за май 1999-го года с видами Майорки.

Седая старушка, прикончив молоко, выводит буквы в кроссворде.

Хозяйка, достав из-под стойки старые счета и бухгалтерскую книгу, принимается щелкать костяшками.

Здесь царят тишина, уют и провинциальное спокойствие...

Студентка, уткнувшись носом в задачник, что-то считает на калькуляторе.

Интересно, чего ради нужно так самозабвенно терзать калькулятор? Наклонившись вперед, Георг видит, что в тетрадке девушки аккуратно вычерчена двутавровая балка, с эпюрой нагрузки. Так и есть. Второй курс механического колледжа.

Похоже, результат не сходится с ответом, поэтому студентка пересчитывает вновь и вновь. Вытянув шею, Георг сразу видит ошибку. Оказывается, составляя уравнение, девушка поставила плюс там, где должен стоять минус. Юная проектировщица двутавров, низко опустив голову, с завидным упорством продолжает вводить в калькулятор, одни и те же заведомо неверные данные. Георг видит только русую макушку и курносый нос.

Георг не замечает, что его интерес к девушке не остался без внимания. Хозяйка со старушкой уже обменялись взглядами, и теперь только и делают, что, не отрываясь, наблюдают за молодыми людьми.

Девушка, почувствовав взгляд Георга, вдруг поднимает голову, и встречается с ним глазами. У нее безупречные черты лица, немного курносый нос, глубокие синие глаза, соболиные брови и большой чувственный рот, даже не тронутый помадой. У нее наивное выражение лица и розовая кожа. Девушка ему определенно нравится.

Встретившись с ним глазами, студентка заливается пурпурным румянцем. Снова склонившись над тетрадкой, она продолжает тыкать в клавиши калькулятора.

Хозяйка, заметив смущение девушки, ехидно улыбается, а старушка с молоком чуть не прыскает. Обе леди уже не раз обменялись заговорщическими взглядами.

Дождик за окном перестал капать. Снова выглядывает солнышко. Мокрые кусты за стеклом сверкают, разбрызгивая радуги.

Георг смотрит на часы: до поезда чуть больше получаса. Пора идти.

Он, поднявшись, бросает на девушку прощальный взгляд... но его сердце вздрагивает и замирает. Он чувствует, что его затапливает волной жара и ударяет в лицо...

Как ему уехать из Оксфорда, не узнав хотя бы, как ее зовут?

Сделав шаг, Георг решительно берет свободный стул, и усаживается напротив студентки. За его спиной хозяйка прыскает, а старушка одобрительно показывает той большой палец.

Девушка, подняв глаза, видит усаживающегося Георга. Она откидывается на спинку стула, и задыхается. Ее милое лицо снова начинает отчаянно пунцоветь, а глаза мечутся по сторонам.

Он говорит ей тихим голосом:

– Простите меня, пожалуйста! Меня зовут Георг Келли. Я из Бирмингема.

Девушка стреляет в него глазами, и не знает, куда девать руки. Она то хватается за кончик косы, то меняет на столе местами ручку и калькулятор. Она ничего не отвечает, только краснеет еще больше.

Георг продолжает так же тихо:

– Я здесь, в Оксфорде, ненадолго. Через полчаса мой поезд... и... и... я подумал, что, вот так, уеду сейчас отсюда... и больше никогда вас не увижу. Я не могу этого допустить. Не могу. Никак не могу....

Старушка хлопает рукой по газете, и победно обводит глазами кафе, как бы заявляя: «а я что говорила!». Хозяйка бара улыбается. Она тоже не скрывает интереса. Бросив свою книгу на стойку, Тереза наклоняется вперед, разглядывая молодых людей.

Девушка по-прежнему не отвечает. Она сидит, выпрямившись, боясь посмотреть на Георга. Ее глаза мечутся и прыгают.

– Пожалуйста, не бойтесь меня, – продолжает Георг. – Я вовсе не хочу вас пугать. Понимаете, когда я подумал, что вот сейчас уеду, а вы останетесь тут, одна... у меня в душе что-то... перевернулось. Я не могу уехать, не узнав хотя бы вашего имени.

Девушка вздыхает, и немного успокаивается. Румянец отливает от ее милого лица, и она, наконец-то, решается открыто посмотреть Георгу в глаза.

– Я вас не боюсь, – тихо, словно боясь, что ее подслушают, отвечает ему эта девушка, – просто... это так неожиданно и странно... Ведь, когда вы вошли в кафе, я вас увидела, и я... я... тоже подумала... вот вы сейчас уйдете, а я...

Она не договаривает, и опять заливается краской. Георг тоже смущается.

– Как вас зовут? – спрашивает он.

Студентка отвечает:

– Екатерина Сергеевна Журавлева.

Георг удивляется такому странному имени. Он с трудом пытается повторить, что вызывает у девушки искренний смех.

– Никто не может повторить с первого раза, – улыбаясь, говорит ему студентка, – поэтому называйте меня просто Катя.

– Кайтъя?

– Нет, нет. Меня нельзя так называть. Скажите – Катя!

– Катъя?

– Да нет же! Катя!

– Катя?

– Ну, примерно, так, да. Катя!

– Катя?

– Да, Катя. Теперь правильно.

– Я вижу, вы учитесь, Катя? В местном университете?

– Да... На механическом...

– Судя по задачке, на втором курсе?

– Да. На втором. Как вы узнали?

– Я сам закончил Оксфорд. Кстати, вы сделали ошибку, – он показывает пальцем на чертеже. – У вас, вот в этой точке эпюры, вектор направлен вниз. Поставьте минус перед скаляром в уравнении, – он показывает где, – и у вас все получится...

Катя несколько секунд смотрит на свой рисунок, снова краснеет, захлопывает учебник, и отодвигает прочь.

– Хватит на сегодня. Потом разберусь...

Она ставит локти на столешницу, складывает пальцы в замок, и, опершись на них подбородком, принимается откровенно разглядывать Георга.

Георг высок, с широкими плечами и тонкой талией. У него бледная гладкая кожа, и огненно-рыжая шевелюра. Характерный разрез голубых глаз, и прямой тонкий нос выдают в нем ирландские корни. Одет в классический светло-серый костюм, спортивного кроя, из тонкой шерсти, с накладными карманами. Светло-голубая рубашка, серый галстук в синюю елочку. Галстук скрепляет щегольская золотая булавка с поблескивающим аквамарином.

Он спрашивает:

– Откуда вы, Катя? У вас такое странное имя...

– Я из России. Из Ленинграда. Сейчас его собираются переименовывать снова с Санкт-Петербург... А вы?

– Я живу и работаю в Бирмингеме. Два часа на поезде отсюда...

Георг рассказывает, что сегодня приехал в Оксфорд читать лекцию по авиационным системам, а заодно повидаться со старинным приятелем, однокашником и другом, Калемом Моллиганом. Калем пообещал отвести Георга на ипподром, чтобы тот взял свой первый урок верховой езды.

– Кaleb уже много лет потешается надо мной. Он говорит, что британец, который не умеет ездить на лошади, такая же нелепица, как авиатор, который ни разу не сидел за штурвалом.

– А вы сидели?

– Да. Пилотировать я научился, а вот ездить верхом... как-то не срослось...

– Вы летчик?

– Не совсем. Я авиационный инженер. Руководжу отделом разработки гидросистем в Итон Аэроспейс.

– Но вы летаете?

– Да. Когда выкраиваю время, поднимаю в небо свой «Арлингтон¹». Обожаю половить восходящие потоки...

– А на лошади вы покатались?

– Увы, не получилось. Кaleb обещал устроить мне свидание с лошадкой, по имени Роза. К сожалению, дружище Моллиган заболел гриппом, и прогулку верхом пришлось отменить.

Катя смеется.

– А как вы забрели в наше кафе?

– Чисто случайно. Поскольку верховая прогулка сорвалась, пришлось убивать время до поезда.

Георг рассказал, что подстригся, поел мороженого, завернул в лавку к букинисту. У букиниста обнаружил двухтомник Льюиса Кэрролла.

Он показывает ей оба тома с «Алисой». На титульных листах красуется экслибрис, гласящий, что книги принадлежат баронессе Изабелле Brentвудской.

– Представляете? Первое издание, 1865 года!

Он пересказывает ей историю, которую ему поведал букинист. Оказывается, оба эти тома были обнаружены в сгоревшем доме на окраине Brentвуда. Дом много лет простоял закрытым, в нем никто не жил. А в один прекрасный день дом взял, и сгорел. Наследники, разбирая пожарище, обнаружили практически нетронутую библиотеку, с редкими изданиями.

Он подносит книжки к носу:

– Они до сих пор пахивают дымом... Я заплатил, за оба тома четыреста тридцать фунтов, не торгуясь.

Катя ахает:

– Вы такой транжира! Это больше, чем я плачу за проживание у Терезы за год!

Георг снисходительно улыбается:

– Ерунда. Я обожаю «Алису». Почитаю в поезде, пока буду ехать в Бирмингем...

– А как вы оказались на этой стороне речки?

– До поезда оставалось еще уйма времени. А на шумном вокзале ждать очень некомфортно...

Георг рассказывает, что решил прогуляться. Перешел Темзу по мостику. Здесь, за Темзой, настоящий сельский пейзаж. Тихо, спокойно, умиротворенно. Пока учился в колледже, ни разу тут не бывал. Во дворах разбиты огороды, бродят куры. Из какого-то сарая мемекнула коза...

– Это Джонсоны, – улыбается Катя. – Они держат козу, и снабжают нас козьим молоком.

– Надо же... А потом я попал под грозу, и забежал сюда, чтобы не промокнуть!

¹ Arlington Sisu 1A – Планер, разработанный Леонардом Ниemi (Leonard Niemi), США, в 1960 году. Конструктор разработал этот проект, как планер для самостоятельной постройки. Машина показала выдающиеся характеристики и установила несколько рекордов. Леонард Ниemi основал авиакомпанию, которая долгие годы строила этот планер серийно.

– Теперь понятно. Вы оказались здесь случайно...

– Да. Случайно.

Георг спрашивает:

– А вы, Катя? Как вы оказались в Оксфорде?

Катя рассказывает о том, что приехала сюда учиться по обмену.

– Я очень скучаю по России. Мне еще два года учиться.

– А потом?

– Не знаю... Вернусь в Россию, найду работу. Буду строить дома...

– Чем вы собираетесь заняться в ближайшие выходные, Катя?

– Ничем. Буду сидеть в своей комнатухе, на втором этаже. Учить сопромат и математику. А вы? У вас какие планы, Георг?

– Я хотел сгонять в Лондон. Туда приезжает из Японии сэнсей Иве Китаяши, прославленный популяризатор карате. Карате мой любимый вид спорта. – Георг улыбается. – После пилотирования планеров, конечно! Сэнсей прочитает лекцию, и проведет мастер-класс. Я собирался размять кости на татами!

Катя разочарованно вздыхает:

– Другими словами, мы с вами не увидимся?

На ее милом лице настоящая обида.

Георг берет ее за руку и нежно улыбается:

– Конечно, увидимся! Думаю, сэнсей прекрасно обойдется на своей лекции без меня!

Катины глаза вспыхивают. Она сжимает ему пальцы в ответ:

– А сопромат обойдется без меня!

И они весело смеются.

– Вы не опоздаете на поезд, Георг? – спохватывается Катя.

Он смотрит на часы – поезд ушел три минуты назад.

– Уже опоздал. Ничего страшного. Через пятьдесят минут еще один, на Ковентри. Там я либо сяду на автобус, либо возьму такси. Мне завтра утром обязательно надо быть на работе. Если не успею вовремя... у меня в отделе вся работа станет... и меня ждет от начальства головомойка...

Катя поднимается со стула, и запикивает учебники в холщовую сумку:

– Пойдемте, я вас провожу, Георг. Не хочу, чтобы вы получили из-за меня нахлобучку. Я посажу вас на поезд. И прослежу, чтобы вы уехали.

Она отдает сумку хозяйке кафе. Та, улынувшись, берет сумку, и прячет ее под прилавок.

– Долго не гуляй, дорогуша! – хриловатым голосом говорит Кате хозяйка. – В одиннадцать я закрою дверь и лягу спать. Не смей стучать тогда, если опоздаешь, плутовка!

Катя смеется:

– Я только прослежу, милая Тереза, чтобы Георг сел на поезд! Через час буду тут!

Она хватается Георга за локоть, и ведет его к выходу из кафе.

– Терезу беспокоит нравственность студентов? – полушутливо спрашивает Георг.

Девушка снова смеется:

– Тереза просто не любит поздно ложиться. Я снимаю у нее комнату. А заодно помогаю ей обслуживать посетителей. Сейчас тут никого нет, а после шести вечера повалят. Одному пиво подай, другому – чай, а этому – кофе и газету. Вечером не позанимаешься... Приходится выкраивать время днем...

– А утром?

– А утром я хожу на лекции...

Они выходят из кафе на улицу. Воздух после грозы свеж и сладок. На небе сияет солнце, день близится к вечеру.

Катя ростом почти с Георга. Он тянется, чтобы взять ее за руку, но его ладонь, сама собой, оказывается у нее на талии. Ее ладошки опускаются ему на плечи. Их лица сближаются... Глаза Кати в сладкой истоме закрываются...

Так они в первый раз целуются.

Георг и Катя бредут по улице, держась за руки. Они болтают, время от времени останавливаясь, чтобы поцеловаться.

На тот путь, что Георг, гуляя, преодолел за семь минут, они потратили минут сорок.

Они появляются на вокзале как раз вовремя, чтобы Георг сел на поезд. Катя машет рукой ему вслед, пока поезд не скрывается за изгибом железной дороги.

В четверг Георг взял отгул на весь уик-энд, раскидал работу подчиненным. Долго выбирал обручальное кольцо. Он хотел сделать Кате предложение.

Георг и Катя собирались отпраздновать помолвку в тихом кафе у Терезы, а потом уехать на морской курорт в Корнуолле, чтобы провести там остаток выходных.

В пятницу утром он приехал в Оксфорд. Катя встречала его у вагона. Они вышли на привокзальную площадь.

Георгу бросился в глаза цветочный магазин, расположенный в углу площади. Он решил купить Кате цветок орхидеи, чтобы она приколотла его к платью.

Он был так счастлив, что, переходя площадь, даже не посмотрел по сторонам. Истошный визг тормозов прервал его счастливые грезы. Последнее, что он успел заметить, это несущуюся на него красную морду огромного автобуса...

Катя закричала от ужаса.

Кто-то из прохожих вызвал «Скорую помощь». Георга увезли в госпиталь «Джон Рэдклифф».

У него оказалось сломано бедро и несколько ребер. Кроме того, было выявлено сотрясение мозга. Несмотря на травмы, его состояние не вызывало у врачей опасений.

Тем не менее, этим вечером Георг Келли скончался. Вскрытие показало, что причиной смерти было отравление мышьяком.

Офицер полиции, ведущий следствие, сказал Кате, что страницы двухтомника Льюиса Кэрролла были пропитаны гидрометиларсенатом натрия. Это гербицид, получивший широкое распространение в пятидесятые и шестидесятые годы, а затем запрещенный к употреблению. Следователь передал Кате коробочку с кольцом, которое Георг собирался подарить девушке в знак помолвки.

Увидев кольцо, Катя разрыдалась. Она повторяла, что не верит в смерть Георга, она чувствует, что он жив, что она будет ждать его, и обязательно дождетя...

Следователь пожал плечами и ушел.

Где-то вспыхнула и погасла звезда. Где-то упал лепесток отцветающей розы. Огненной чертой раскроил небо метеорит... Слепой случай разорвал зарождающуюся любовь двух наивных людей...

А может, и не разорвал вовсе, а решил подвергнуть это чувство жестоким испытаниям?

Испытание Первое. Время искать

Пробуждение

... где-то в глубине гулкой темноты замигала свеча. Гротескные тени заметались по стенам и потолку.

Он очнулся, чувствуя себя разбитым и слабым. Голова кружилась. Казалось – все окружающее вращается в исполинском водовороте...

Шершавый язык не помещался во рту. Глаза резало. Тело в испарине. Кишечник активно требовал опорожнения.

Он попытался сбросить одеяло, и спустить ноги с кровати. Даже это ничтожное усилие не увенчалось успехом. Он лишь шевельнулся, издав невнятное восклицание.

К нему кинулись люди, стоящие в разных концах огромной темной комнаты.

«Где я?», – успел подумать он, – «Что со мной?»

Он понял, что не узнает ни этой комнаты, ни этих людей в черных одеждах. Он никогда не видел этой вычурной кровати под балдахин, с облупившейся позолотой, на резных столбиках. Комната освещалась мягким мерцающим светом полудюжины свечей. Свечи не могли осветить зал целиком, лишь выхватывая небольшие куски то тут, то там.

Даже собственные руки показались ему чужими. Они были меньше, чем он помнил, а пальцы настолько худы, что напоминали птичьи лапы.

– Яков², сын мой, – хрипловатым голосом произнесла высокая женщина, озабоченно накрывая его лоб узкой мягкой ладонью. Нанизанные на пальцы многочисленные кольца неприятно холодили лоб. – Ты жив, ты очнулся! Боже всемогущий, какое счастье...

«Яков?» – ему казалось, что его зовут несколько иначе... но он чувствовал себя настолько слабо, что даже не мог вспомнить, как.

– Мне... надо... в туалет! – попытался произнести он, но из пересохшей глотки вырвался только неразборчивый хрип.

– Он что-то пытается сказать, ваше величество, – сказал низкий рокошущий бас у него за спиной.

Обладателя этого голоса он увидеть не мог.

«Величество?»

– Я и сама это вижу, сэр Джон, – отозвалась высокая женщина крайне озабоченным голосом. – Что он хочет?

Ее глазницы ввалились, отчего погруженные в темноту глаза казались бездонными. В черноте глаз изредка посверкивала влага слезы. Она наклонилась ухом к его рту, пытаясь разобрать его шепот.

– В туалет... Я хочу в туалет... – как можно внятнее повторил он несколько раз.

– Я не понимаю ни слова, из того, что он шепчет, – удрученно произнесла она, устало распрямляясь, – сэр Джон, попробуйте вы...

Она отодвинулась, давая место обладателю рокошущего баса. Тот удивил Якова еще больше. Этот человек был весь закован в железо, пах кожей, дымом и еще чем-то. Яков решил не тратить силы и время на бесполезные попытки втолковать им очевидное. Он решил, используя здоровяка, как опору, подняться самому. Вцепившись в гнутые пластины на плечах сэра Джона, он потянулся что было силы.

Человек в железных латах пробасил:

– А... ваше величество, я понимаю... он пытается подняться!

² Английское имя «Яacob» в русском языке произносится либо как Яков, либо как Джейкоб. (Примеч. автора)

Женщина сделала шаг назад, и кивнула двум пожилым женщинам, которые переминались с ноги на ногу за ее спиной. Те подбежали, обхватили Якова за шею и за плечи, и помогли ему сесть. Теперь он смог поднять руку, и сделать жест, будто бы пьет.

– Он хочет пить! Дайте ему вина!

Яков вполне обошелся бы и простой водой, но выбирать не приходилось. Ему поднесли кубок из потемневшего металла. В чаше плескалась жидкость цвета запекшейся крови.

Человек, который поднес ему кубок, опустился перед Яковом на колени, демонстративно отпил один глоток, а потом протянул ему кубок на вытянутых руках.

Яков взял кубок, и осторожно отхлебнул. В высохший язык будто вонзились сотни иголок. Он подержал вино во рту, ожидая, когда покалывание прекратится, а затем медленно проглотил. Вторым глотком он прополоскал горло. Теперь он, мог, наконец, сказать то, что так мучительно пытался втолковать этим, без сомнения, искренне пытающимся ему помочь людям.

– Я хочу в... туалет... ватерклозет...

Высокая женщина и сэр Джон переглянулись.

– Он, без сомнения, бредит. Водяной шкаф?

Якову стало казаться, что эти люди никогда его не поймут. Он сказал:

– Я не в бреду. Мне надо в отхожее место... облегчиться... опорожнить кишечник...

– Так тебе нужен горшок! Что же ты сразу не сказал? Помогите ему облегчиться!

Ласковые руки сиделок приподняли его, и усадили на большой глиняный горшок, который выдвинули из-под кровати. Ему это показалось чрезвычайно странным. Неужели в этом доме нет канализации? Почему эти люди стоят и смотрят, как он делает свои дела, и никто даже не думает отвернуться? Куда он попал? Что с ним?

Этот вопрос ему пришло в голову задать одним из первых.

– Что со мной? Где я?

– Ты очень болен, Яков, – ответила ему женщина, которую человек в броне только что назвал «ваше величество», – мы не думали, что ты доживешь до утра. У тебя холера.

– У меня хо... что?

– Холера. Ты очень плох. У тебя была лихорадка, ты умирал. Слава Всевышнему, он вернул нам тебя!

– Мы все молились за Вас, ваше высочество, – добавил худощавый человек среднего роста, в черном балахоне, с огромным золотым крестом на груди. До сих пор он не вмешивался в происходящее, и Яков его не замечал.

«Высочество»?

– Но где я умудрился подцепить холеру?

– Подцепить? – озадаченно переспросила женщина.

Человек с золотым крестом шагнул вперед.

– Лихорадка, безусловно, помutilа вам разум, ваше высочество, – мягким, но настойчивым голосом сказал он, – всем известно, что Господь дает и забирает, милует и карает, посылает испытания – и спасает от них. Ему угодно было подвергнуть вас испытанию, и мы молим провидение за ту милость, что оно явило нам.

Яков изумленно спросил:

– Разве холера не является острой инфекцией³?

– Острой инфе... – поперхнулся человек в балахоне, – воистину, ваше высочество, вам лучше прилечь. Вы так странно употребляете некоторые слова... Это явно свидетельствует о горячке.

³ Infectio (лат) – Это слово в латыни имеет два омонима: 1-е: окрашивание, 2-е: изнасилование.

– Ложитесь, сын мой Яков, ложитесь, – заботливым тоном велела высокая женщина, – сейчас я прикажу вызвать лекаря.

Сил на споры у него все равно не было, поэтому он, поддерживаемый сильными, но нежными руками сиделок, взобрался на кровать, и откинулся на ворох подушек.

Лекарь сильно разочаровал Якова. Это был низенький толстый человечек с вывернутыми ножками. Начал он с того, что опустился перед черной женщиной на колени, и стукнулся лбом в пол. Затем, поднявшись на свои кривые ножки, низко поклонился сэру Джону, а черному человеку почтительно облобызал руку.

Затем деловито пощупал Якову лоб, заглянул под веки, велел высунуть язык. На этом осмотр закончился. Лекарь, приблизившись к высокой женщине, заговорил с ней вполголоса. До Якова долетало «разлитие желчи», «сгущение крови», «недостаток флегмы» и прочие странные словечки. Он был уверен, что где-то слышал их, но не ожидал, что взрослые, серьезные люди будут наяву употреблять этот бред, когда речь идет о медицинской практике.

Побеседовав с матерью, человечек покивал, поклонился. Он подошел к своему баулу, покопался в нем. Из баула были извлечены: небольшой оловянный таз, измазанный чем-то черным, и острый скальпель. Подставив таз под локоть Якова, лекарь, взяв пациента за запястье, потянулся кончиком скальпеля к одной из вен. Яков ужаснулся.

– Эй, что вы делаете? – резко спросил он, вырывая руку.

Лекарь скосил один глаз, но ничего не сказал. Он снова поймал Якова за запястье.

– Успокойтесь, сын мой, – покровительственным голосом произнесла высокая женщина, – сейчас лекарь пустит вам кровь, и вам станет лучше. У него твердая рука, вы ничего не почувствуете.

– Но он же даже не простерилизовал свой нож!

– Просте... сын мой, вам положительно необходимо кровопускание... вы заговариваетесь!

– Но этот нож грязный! Я не позволю занести себе инфекцию!

Несколько мгновений она была озадачена, потом ее лицо разгладилось.

– Ну конечно! Вы просто не знаете, Яков! Этот лекарь пользуется только членов королевской семьи. Не бойтесь, он не имеет дела с простолюдинами. Вы можете быть совершенно спокойны. Этот ланцет чист.

Яков понял, что сейчас ему вскроют вены грязным скальпелем, без всякой дезинфекции. Эта мысль показалась ему настолько отвратительной, что его вырвало прямо на простыни. Несколько брызг попало на лекаря, но тот и не подумал отстраниться.

Королева сказала покровительственным тоном:

– Ничего-ничего, сын мой, сейчас прислуга уберет.

Яков решил воззвать к материнским чувствам.

– Мама, убери от меня этого шарлатана! Умоляю!

Королева, вздернув подбородок, нахмурилась. Она ответила низким голосом:

– Яков, мы члены королевской семьи! Ты должен обращаться ко мне по титулу! Тем более, в присутствии слуг! Только твое тяжелое состояние избавляет тебя от необходимости выслушать нотацию о величии королевской крови. Что касается этого лекаря, он выдержал курс в Салернском⁴ университете и, безусловно, не может являться шарлатаном.

Яков понял, что проиграл. Сил бороться у него не было, а окружающие, очевидно, не желали его понимать. Сейчас ему вскроют вены и занесут инфекцию, несмотря на всё его сопротивление.

Внезапно у него мелькнула мысль:

⁴ Университет в Салерно (Италия) – старейшая медицинская школа, основанная в XII веке.

– Э... святой отец! Простите, не знаю, как к вам обращаться!

Человек с крестом сделал шаг вперед:

– Воистину, я вижу, что ваш разум в помраченном состоянии, сын мой. Ведь все эти годы, с момента вашего крещения, и до сей прискорбной минуты, я находился рядом с вами. Ведь я являюсь вашим духовником! Если вы забыли, я – настоятель монастыря Клайффа, что рядом с Хай Холстоу, епископ Клайффский. Меня зовут епископ Лестер Годффри. Ко мне следует обращаться «ваше преосвященство», либо «монсеньор епископ». Монахи моего монастыря должны звать меня «Владыка».

– Спасибо, ваше преосвященство. Несколько минут назад вы сказали, что господь дает и забирает.

– Вы правы, – кивнул епископ. – Это истина, а как истина, не требует подтверждения.

– Ваше преосвященство! Может, мне лучше положиться на милость господя, чем на грязный нож этого мясника?

Воцарилось молчание. Видимо, никто из присутствующих не знал правильного ответа на этот вопрос.

– Может, вы помолитесь, или сделаете что-то еще, что положено делать в таком случае? – продолжил Яков, чувствуя, что нащупал новый путь. – Я уверен, что это принесет мне гораздо больше пользы, чем грязный скальпель.

Хмурое выражение лица епископа смягчилось. Он сказал:

– Мне очень отраднo, что вы придерживаетесь столь твердой веры, сын мой. Любой пастырь духовный вам скажет, что святые слова приносят гораздо бóльшую пользу, чем жалкие потуги врачей. Мы позволяем знахарям выполнять их манипуляции, поскольку знаем, что они приносят некоторое облегчение телу. Но самое главное у человека – это не брeнная плоть, а бессмертная душа...

Слушая разглагольствования священника, Яков радовался – пусть минутной, но отсрочке. Видя, с какой почтительностью королева и сэp Джон внимают словам человека в черной сутане, он понял, что сделал верный ход. Между тем епископ Клайффский вещал:

– Господь уже явил нам свою милость, позволив вашей брeнной оболочке продлить земное существование. Теперь он подверг вас новому испытанию, ввергнув в искушение получить облегчение путем кровопускания. Вы выдержали это искушение, сын мой. Похвально, весьма похвально. Я думаю, Ваше Величество, – обратился он к королеве, – что мы должны уважать достойный выбор этого мальчика, проявившего себя мужем, похвалив его за твердость духа! Возблагодарим же Господа в горячей молитве, столь необходимой всем нам и в радости, и в тягостях, и на смертном одре!

Епископ первый опустилсЯ на колени, за ним последовали сэp Джон, лекаpь, слуги, сиделки – все, кто были в комнате. Королеве ничего не оставалось, как последовать их примеру.

Несколько минут все присутствующие нестройным хором подпевали епископу, затянувшему что-то вроде «Te Deum laudamus⁵...».

Наконец, епископ допел свой псалом, широко перекрестился, и поднялся на ноги. Вслед за ним, крестясь, стали подниматься остальные.

Одна из портьер, в дальнем конце комнаты, всколыхнувшись, отлетела прочь. В покои стремительным шагом вошел очень высокий, и очень толстый человек, с багровым бородатым лицом. Торс человека закрывала сверкающая кираса. В правой руке, унизанной множеством перстней, он держал кубок. У левого бедра, на рукоятке широкой шпаги, искрился огромный рубин. Когда бородач ворвался в комнату, золотая корона, сидящая на его лысой голове, задела портьеру, и съехала на сторону. Он, подхватив ее левой рукой, водрузил на место.

⁵ «Te Deum...» (лат «Тебя, Бога, хвалим...») – начало церковного гимна.

– Что случилось? Почему вы завываете на весь замок? Мой племянник преставился? – прогрохотал его голос.

Королева, сэр Джон и епископ поклонилась ему в пояс, а остальные упали на колени и согнулись до земли.

– Нет, Ваше Величество, – ответил епископ, выпрямляясь, – господь явил нам милость свою. Ваш племянник очнулся от тяжкого забытья, в котором пребывал последние два дня. Он даже попросил вина.

– Вот как? – прогремел бородатый, переводя налитые кровью глаза на Якова, – получается, ублюдок выкарабкался? А мне сказали, что у него холера!

– Это так, Ваше Величество, – снова поклонился епископ. – У него была холера. Однако, как видите, господь смилостивился над нами. Теперь его высочество пойдет на поправку.

Бородатый, подняв одну бровь, сказал изумленным тоном:

– Я слышал, от холеры выживает едва один из сотни...

– Даже меньше, Ваше Величество. Едва один из тысячи... – скорбным голосом поддакнул ему епископ.

Король покачал головой, отчего корона опять съехала набок.

– Ну, надо же, как повезло щенку! – прогрохотал он.

Похоже, его мало заботило, что Яков находится от него в трех шагах.

– Передайте ублюдку, чтобы не смел шнырять у меня под ногами, когда очухается, – добавил король. – Пусть сидит у себя в покоях! Учат латынь и геральдику! Не хватало еще, чтобы про короля сказали, что он не заботится об образовании племянника!

Окинув напоследок взглядом склоненные спины слуг, его величество повернулся и, гордо задрвав подбородок, зашагал к выходу, звякая шпорами.

Якова не отпускало стойкое чувство, что все, что с ним происходит, происходит с кем-то другим. События, разворачивающиеся у него на глазах, были совершенно невозможными. В какую кроличью нору он провалился?⁶

Эти короли, королевы... зовут его высочеством... и ублюдком. Он откинулся на подушки, и закрыл глаза. Попытался вспомнить, кто он, и что с ним было до того, как он очнулся в этой огромной комнате. Память явила ему странные образы, но разум отказывался принять их.

Он открыл глаза, потому что кишечник опять дал о себе знать. Он не стал проситься в туалет, а просто сказал:

– Мне надо на горшок.

На сей раз все было проще. Ему помогли облегчиться и взобраться обратно.

Он спросил:

– Уже утро?

– Да, ваше высочество, – ответил ему епископ, поскольку королева, прижав платок к глазам, молчала.

На самом деле Яков хотел узнать, какое сегодня число, не вызывая новых обвинений в помутнении разума, но его опять не поняли. Он задал вопрос иначе:

– Сколько я был без сознания?

– Последние два дня вы вообще не приходили в себя, а три дня перед этим у вас была лихорадка и сильный жар, ваше высочество. Мы все находились рядом с вами, молились и зывали к милости Божией.

⁶ Сцена из «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла. После выхода «Алисы» фраза «провалится в кроличью нору» в английской разговорной речи означает бред, расстройство психики, галлюцинации.

Яков посмотрел на рыцаря:

– Сэр Джон...

– Слушаю вас, ваше высочество?

– Мне бы хотелось попить... не сладкого и крепкого, как это вино... а что-нибудь кисленького, например, лимонад или лайм...

– Лимо... что? Я хочу сказать, я не понял два последних слова, ваше высочество.

Яков понял, что надо тщательнее следить за словами, пока его опять не обвинили в помутнении рассудка, и не вскрыли вены. Несмотря на то, что лекарь на вывернутых ножках исчез, он не сомневался, что королева может призвать его опять.

– Мне хочется пить. Лучше простой кипяченой воды, раз нет... лимонада.

– Негоже сыну короля пить простую воду, – вмешалась королева, отнимая платок от глаз.

– Я прикажу принести тебе лучшее вино!

– Мама... Ваше величество... У меня, когда я хлебнул вина, страшно закружилась голова.

Поэтому я и попросил воду.

Королева помолчала, потом изрекла:

– А... понятно... Вы наверно, правы, Яков. Вы слишком ослабели.

– Может быть, найдется клюква? Ее можно раздавить в воду вместо лимо...гм... раздавить в воду.

– Яков! – изумленно вскрикнула королева. Она даже сделала шаг назад. – Клюква это... это... это же... боже мой, ведь это еда для простолюдинов, что вы такое говорите?

– Ваше величество, позвольте мне вмешаться, – подал голос епископ. – Его высочество говорит чистую правду. Клюква издревле применялась как средство от лихорадки, для избавления от жажды, от кровавого поноса, разлития желчи, ипохондрии и вялости.

Похоже, даже вмешательство епископа не поколебало твердой уверенности королевы.

– Мой сын не будет есть клюкву. Это удел простолюдинов!

– Мама... ваше величество, но ведь мне необходимы витамины!

Королева снова повернулась к нему:

– Витами... Что? Что вы сказали, я не расслышала?

Яков был совершенно уверен, что витамины ему крайне необходимы. Он не сомневался, что они содержатся и в клюкве, и в лимоне... но он абсолютно не представлял, откуда он знает это слово! Он испугался, что сейчас опять позовут лекаря с грязным ножом, и быстро поправился:

– Я хочу сказать, что мне хочется кисленького питья. А клюква как раз кисленькая!

На этот раз королева заколебалась:

– Ну, не знаю, Яков, не знаю. С одной стороны, твоя прихоть вполне объяснима, ведь ты тяжело болен. Но с другой стороны, употреблять клюкву? Принцу, наследнику престола? Еще неизвестно, кого родит Изабелла... вдруг девочку?

Яков не знал, кто такая Изабелла, и какая связь между клюквой и тем, кого родит эта неизвестная Изабелла, но рискнул чуть поднажать:

– Ваше величество, вы правы, это моя прихоть. Я чувствую, что кислое питье поможет мне скорее оправиться от болезни.

– Смею вмешаться опять, ваше величество, – вставил епископ, – церковь не против употребления народных средств для избавления от тягости, раны или болезни. Могу Вам добавить, что в трактате высокоученого монаха Кверентия Саксонского клюква упоминается как отличное средство против лихорадки и жара.

Похоже, королева решила уступить:

– Ну, хорошо, Лестер. Думаю, мы можем разрешить нашему сыну поесть немного клюквы, после болезни, раз у него такая прихоть.

Она, повернувшись, бросила одной из женщин:

– Джинни! Спустись вниз, и вели горничным девушкам принести клюквы. Служанка низко поклонилась королеве в пояс, и исчезла за портьерой.

Яков поздравил себя с еще одной победой. Он рискнул сделать следующую попытку:

– Могу я... немного обмыться? Я весь покрыт испариной...

– Конечно, сын мой, сейчас принесут воду.

Оказывается, на этот раз он не ляпнул чего-то необычного для этих людей.

Яков задумался: почему эти люди его не понимают? Почему он чувствует себя здесь чужим?

Тем временем, сиделки притащили огромный оловянный таз, и несколько исходящих паром кадок. Ему пришлось вылезти из-под балдахина, и стоять в тазу, голым, ожидая, пока его обмоют. Его несколько раз обтерли мокрой губкой, которую окунали в деревянный ушат с горячей водой, на поверхности которой лопались мыльные пузырьки. Затем повторили, заменив воду раствором остро пахнущего уксуса. После этого обсушили ему тело грубыми холщовыми полотенцами.

Яков хотел подивиться столь странному способу гигиены. Однако, по-видимому, его способность удивляться на сегодня исчерпалась. Кроме того, у него почти не осталось сил.

Принесли клюкву и кипяченую воду. Хотя клюква оказалась немного мятой, она отлично утолила жажду. Яков почувствовал, что голоден.

Яков посмотрел на мать и епископа. Те стояли в дальнем углу огромной комнаты, вполголоса беседуя о чем-то. Тогда он перевел взгляд на сэра Джона. Этот здоровяк стоял рядом, и внимательно смотрел на него карими глазами. Огромный нос сэра Джона напоминал картофелину, которую испещрили тонкие склеротические жилки. Лицо немного дряблое, короткая седая борода, усы он брил. Яков почувствовал вдруг к нему внезапный прилив симпатии.

– Сэр Джон... – прошептал он вполголоса.

Тот сделал шаг вперед, наклонившись пониже.

– Сэр Джон, я проголодался... но боюсь, мама опять будет говорить, что мне можно, а что нельзя. Я совершенно точно знаю, чего хочу. Я хочу куриного бульона со ржаными сухариками, но не знаю, удастся ли мне их получить...

Сэр Джон усмехнулся понимающе, отчего стал еще более симпатичен Якову.

– Не беспокойтесь, ваше высочество, я распоряжусь. А ее величество, королева Беренгария, похоже, собирается отлучиться по своим делам. Так что, от нравоучений вы будете на некоторое время избавлены.

Действительно, королева, переговорив с епископом, подошла к кровати Якова. Истоиво его перекрестив, она величественно, как на параде, повернулась, и выплыла из комнаты. Сэр Джон стал вполголоса что-то втолковывать служанке.

Епископ подошел поближе, и тоже остановился перед Яковым. У епископа Клайффского было холеное породистое лицо, бледное и бритое. Умные глаза смотрели на Якова с нескрываемой заботой. Яков решил выведать побольше. Он начал издали.

– Монсеньер епископ... скажите, в моем состоянии это обычно?

– Что вы имеете в виду, сын мой?

– Я ощущаю сильнейшую слабость. Я даже сам не могу вылезти из-под одеяла.

– Да, ваше высочество. Больные, перенесшие холеру, всегда очень слабы. Не беспокойтесь. Теперь вы быстро пойдете на поправку, раз Господь смилостивился над вами. Что еще вас беспокоит?

– Мне кажется, что я многое забыл. Я не помню, где я нахожусь, какое сегодня число, и что я собирался делать перед тем, как заболеть.

– Это не удивительно, сын мой. У вас был очень сильный жар, а в таком состоянии, как известно, люди могут бредить. Сегодня двенадцатое марта, вы находитесь в своих покоях.

Яков решил рискнуть:

– Ваше преподобие, может, вы заодно назовете год? Я и год-то не помню...

– От рождения Господа нашего Иисуса одна тысяча двести десятый.

Он ахнул:

– Тысяча двести... вот дерьмо...

Яков понял, что его сознание отказывается принять эту цифру, поскольку был уверен, что ему знакома другая дата. Но какая? Он почему-то вдруг подумал о тысяча девятьсот восемьдесят восьмом, когда закончил школу и...

Он закончил школу? И, между прочим, вслед за школой он закончил колледж и институт... Но его называют мальчишкой и...

Он уже открыл было рот, чтобы попросить зеркало. Но в последний миг передумал. Он решил, что всегда может это сделать, когда останется один. Кроме того, он не был уверен, что в доме, где нет канализации, ванной и душа (откуда он знает эти слова, кстати?) может найтись зеркало. И эта путаница с датой...

Вместо этого Яков устался на свои руки. Предплечья, запястья, кисти были покрыты непонятными точками, которые вдруг показались ему угрожающими. К сожалению, в полумраке комнаты было непонятно, что это такое, поэтому руки вдруг отчаянно зачесались.

– Ваше преосвященство, вы не могли бы сделать, чтобы тут было немного посветлее? Мне кажется, у меня какие-то точки на руках...

Епископ шагнул вперед, взял его за одну из рук, и очень внимательно рассмотрел. Потом повторил то же с другой.

– Точки? Какие точки? Что вас беспокоит, ваше высочество? Мне кажется, ваши руки такие же, как обычно...

– Они вдруг зачесались... и... эти точки...

– Зачесались? Джэсс, отдерни шторы,пусти света!

Пока служанка отдергивала шторы, и открывала плотно запертые ставни, епископ внимательно смотрел в глаза Якову.

– Мне кажется, лихорадка возвращается. Я, пожалуй, приглашу лекаря.

– Прошу вас, ваше преосвященство, не надо этого делать. Это я просто дезориентирован после высокой температуры. Я хочу сказать... после лихорадки... и ...разлития желчи. Да, желчи.

К счастью, в этот момент створки распахнулись, впусив радостный свет мартовского утра. Яков тут же увидел, что точки на руках были самыми обыкновенными веснушками. Хотя он дал себе слово не удивляться, это открытие ошеломило его еще раз. Он совершенно точно помнил, что никаких веснушек у него на руках до сих пор не было. Он сидел на ворохе подушек, вытаращив глаза и открыв рот, чувствуя, что головокружение возвращается.

– Так что же так обеспокоило вас, ваше высочество?

Яков понял, что сейчас зародит у епископа самые тяжелые подозрения в своей вменяемости, если скажет, что у него вдруг появились на руках веснушки. Ведь, если веснушки были у него до болезни, епископ не видит в них ничего необычного. Его преосвященство уже сказал, что был рядом с Яковым практически с момента его рождения.

– Я хотел сказать... – тут его взгляд упал на ногти, и его осенило. – Ваше преосвященство, посмотрите на мои ногти. Вы видите на них белые полоски? Когда в организм попадает тяжелый металл, например, мышьяк или свинец, ногти белеют. Потом, когда ногти отрастают, они восстанавливают свой цвет. Это означает, что меня хотели отравить. Эти полоски на ногтях – симптом отравления.

Сэр Джон подошел, и тоже осмотрел его ногти.

– Да, ваше преосвященство, я определенно вижу тут белые полоски. Что вы скажете? Моего крестника хотят отравить?

Епископ, нахмурился, тяжело молчал, что-то прикидывая.

– Его высочество прав, сэра Джон, – наконец, ответил он, тщательно подбирая слова. – Я действительно припоминаю труд Иоанна из Болоньи, который описал симптомы медленного отравления мышьяком. Очень напоминает холеру. Помимо белых полос на ногтях, он описал рвоту, понос, лихорадку, помутнение сознания, светобоязнь... Как раз все те признаки, которые мы наблюдаем у мальчика. Правда, когда он сказал о том, что у него зачесались руки, и пожаловался на точки, я прежде всего подумал об антониновой чуме⁷. Вы все еще испытываете зуд, сын мой?

Яков с удивлением понял, что руки не чешутся.

– Нет, ваше преосвященство. Мне кажется... у меня руки зачесались после мытья.

Епископ покивал:

– Или это была простая мнительность, ваше высочество. Так бывает. Я не вижу никаких гнойничков на вашей коже, свидетельствующих о чуме. А вот белые полосы на ваших ногтях, в сочетании с тем, что вы перенесли, беспокоят меня гораздо больше.

Епископ обменялся взглядом с сэром Джоном, и снова пристально посмотрел на принца:

– Однако, ваше высочество, – продолжил епископ каким-то вкрадчивым голосом, – обвинение в покушении на члена королевской семьи – одно из самых тяжелых обвинений. Вы уверены, что хотите его выдвинуть?

Он помолчал, разглядывая Якова. Его глаза стали вдруг колючими:

– Ведь мы с вами думаем об одном и том же человеке? Вдобавок, вы помните, что одна из его жен, Изабелла, в сентябре должна родить ему наследника?

– Нет, монсеньер епископ, – ответил Яков. Он понял, что затронул очень тяжелый вопрос. – Конечно, я ни о чем таком не подумал. Как я уже сказал вам, я частично потерял память, поэтому не помню никакой Изабеллы. Я просто обеспокоен появлением на моих ногтях, этих полосок – вот и все!

– Мы не можем сейчас объявить о своем подозрении, ваше высочество, – подал голос сэра Джон. – Нас немедленно обвинят в клевете. Или еще в чем-то похуже. – Он наклонился к священнику и продолжил вполголоса. – Тем не менее, если мы хотим его высочество спасти, нужно срочно вывезти мальчика из этого гадюшника.

Епископ усмехнулся.

– Хорошо, что нас не слышат, сэра Джон. Так отзываться о королевском дворце! Известно, что расстроит его величество больше – обвинение в покушении на наследника, или насмешка над его архитектурными потугами... Но подумайте сами: мы не можем вот так – просто взять, и увести наследника престола в неизвестном направлении. Я тоже сразу подумал об отравлении, медленном отравлении. Но я не вижу способа, как увести его высочество отсюда, без воли монарха.

Он помолчал, склонив голову на бок.

– А теперь, вот что. Представьте на миг, что король лично замешан в отравлении. Зачем ему травить собственного наследника? Это очевидно: он ненавидит Якова. В этом случае очевидно и то, что любое слово о том, чтобы увести принца из дворца, будет воспринято королем, как попытка вырваться из-под его опеки. Одно это способно вызвать его самую страшную ярость. Ведь, если он поставил себе целью избавиться от племянника, он будет рассматривать бегство из дворца как попытку государственного переворота. Другое дело, если это отравление является интригой другого лица. Или Изабеллы, или кого-то еще. Возможно, тогда король не будет против, если его высочество, например, захочет погостить у меня в аббатстве месяц-другой. Вся проблема сводится, таким образом, к одному вопросу: причастен ли король к отрав-

⁷ Антонинова чума (также известная, как Галенова чума) – пандемия, бушевавшая в 165-180 годах н.э.

лению? Как ответить на такой вопрос? Есть ли способ осторожно выведать это у монарха, не возбудив в нем подозрений?

В этот момент служанка принесла судок с горячим бульоном, и стопку черных сухарей.

– Откуда это? – нахмурился епископ.

– Не беспокойтесь, ваше преосвященство, – усмехнулся сэр Джон. – Я знаю, что ржаных сухарей на королевской кухне не найти, поэтому попросил принести все это из таверны, в квартале отсюда. Я сам там обедаю, и знаю, что готовят там неплохо. Пища, может, и грубовата для аристократического желудка, зато проста и вкусна.

Пока Яков ел, они отошли к окну, и вполголоса продолжили разговор. Бульон оказался ароматным и вкусным. Сухарики, которые Яков макал в бульон, прежде чем откусить, приятно похрустывали.

Видя, что он поел, епископ и рыцарь снова подошли к кровати. Яков поднял на них глаза. Оба смотрели на него с заботой и тревогой. Эти люди стали вдруг очень близки и нужны ему. Ему стало теплее на сердце, зная, что на этих двоих он всегда может положиться.

– Сэр Джон... Вы позволите задать вам вопрос?

– Да, безусловно, ваше высочество.

– Его преосвященство уже сказал мне, что находился возле меня начиная с моего крещения. Не удивляйтесь моему вопросу! Ведь я после болезни почти ничего не помню. Я хочу спросить: а вы? Вы такое заботливое участие принимаете в моей судьбе... Я чувствую, что вы тоже мой очень давний друг.

Глаза рыцаря увлажнились. Он помолчал, улыбнулся, и ответил:

– Вы правы, ваше высочество, болезнь действительно очень изменила вас. До своей болезни лорд Яков, эрл Корнуольский⁸, никогда не называл меня своим другом. Он считал, что мое присутствие, возле его особы – это нечто само собой разумеющееся. На самом деле, я при вас еще до вашего рождения. Я служил еще вашему отцу, еще до того, как он взошел на трон. Когда вы родились, я был рядом с вашей матушкой. Потом я стал вам крестным отцом. А теперь вот служу вам.

У Якова от этих простых слов тоже защипало в глазах.

– Спасибо вам за все, что вы для меня сделали и делаете.

Сэр Джон поклонился со всей грацией, какой позволяла кираса. Яков перевел глаза на епископа.

– Монсеньер епископ, мы с вами тоже были друзьями? Или вы возле меня... по службе?

В глазах епископа появилась смешинка:

– Разумеется, по службе, ваше высочество. Ведь я ваш духовник. Однако вы можете обратиться ко мне с любой проблемой, любой просьбой – как к другу. Обещаю: я отнесусь ко всем вашим нуждам со всем рвением, на которое хватит моих скромных сил.

– Спасибо и вам, ваше преосвященство.

Епископ тоже поклонился.

– Скажите мне, мои друзья, мне следует оставаться в замке, или попытаться сбежать?

Священник и воин переглянулись.

– Сбежать из замка вовсе не трудно, ваше высочество, – ответил сэр Джон. – Достаточно откинуть эту штору, – он показал рукой, – спуститься по винтовой лестнице, пересечь двор и сесть на лошадь. А потом ускакать, куда глаза глядят. Но, смею спросить, куда же вы поскачете? Ни один из вассалов короля не осмелится дать вам, без согласия монарха, пищу и кров. Мой скромный замок, конечно, к вашим услугам. Однако, боюсь, за то время, пока я находился при

⁸ Earl – Эрл (или ярл) титул в Англии 13-го века, равнозначный титулу «граф».

короле и при вас, он пришел в совершеннейшее запустение. Я был там в позапрошлом году. Зрелище самое удручающее. Ров, вокруг замка, без хозяйского глаза превратился в болото, в нем квакают лягушки. Вал оплыл и зарос травой. Каменные стены, конечно, еще стоят, но кто их будет защищать? У меня всего тридцать два йомена и около двенадцати рабов... эти не прикроют даже одной стены замка.

– А где расположен ваш замок, сэр Джон?

– В Данбери, ваше высочество. Это чуть больше, чем в тридцати пяти милях отсюда... не доезжая восьми миль до Ривер Блэкуотер.

– Я плохо себе представляю, хотелось бы взглянуть на карту... – сказал Яков и осекся, видя, как при последнем слове брови обоих взлетели вверх. – Это такой план или образ местности, нарисованный на бумаге...

– Мы знаем, что такое карта, ваше высочество, – ответил епископ. – Она выгравирована на большом листе меди. Дело в том, что карта – одна из величайших секретов государства. Она хранится в сокровищнице короля. Любой, кто, кроме короля или членов королевской семьи, посмотрит в нее – будет казнен. Никаких исключений.

– Означает ли это, что я могу посмотреть карту? Ведь мама говорила что-то о величии королевской крови?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.